

Над Черным морем и сегодня не возшла луна.

Вэйшэн всю ночь предавался медитации. До таинственной грани — чертога черно-белого равновесия — оставался всего один шаг. Но эта едва различимая черта казалась неодолимой пропастью, которую никак не удавалось перешагнуть. Нахлынувшая было досада оказалась бесполезной: раздражением делу не поможешь.

Очнувшись от созерцания глубин Черного моря, Вэйшэн перевел взгляд на спутника. Цан Доушань все еще пребывал в трансе. Он сурово нахмурился и скорчился от боли. Вэйшэн пригляделся повнимательнее и, рассудив, что жизни товарища ничего не угрожает, бесшумно поднялся с постели, чтобы умыться прохладной водой.

На востоке едва брезжил рассвет. Ледяная вода стянула кожу, мгновенно прогнав остатки сна. Вэйшэн ощутил приятную, бодрящую свежесть.

Поскольку подниматься в такую рань было незачем, он решил прилечь еще на полчаса. Вэйшэн уже начал сладко дремать, как вдруг сквозь полусон донеслось чье-то заунывное пение.

Поначалу он подумал, что это местные старики спозаранку распеваются на улице, и не придал звукам значения. Однако мотив становился все более странным и зловещим.

Это была похоронная песнь. Ему уже дважды доводилось слышать ее, и этот скорбный напев он не спутал бы ни с чем на свете.

Вэйшэн бросил короткий взгляд на Цан Доушаня. Тот уже успокоился, дыхание стало ровным и глубоким — медитация наконец вошла в спокойное русло. Убедившись в этом, Вэйшэн тихо поднялся с постели и приоткрыл окно.

Улицу заволокла белесая дымка. Туман был прозрачным и зыбким, словно речной дым. Вокруг царило неестественное безмолвие: не пели птицы, не перекликались петухи. Лишь из туманной глубины едва слышно плыли заунывные звуки заубойного псалма.

Натянув обувь и набросив на плечи легкий халат, Вэйшэн бесшумно спустился по лестнице. Приоткрыв входную дверь на ширину ладони, он стал всматриваться в рассветный сумрак.

Печальный напев приближался. Голоса звучали все тише, а сквозь них отчетливо пробивался мерный металлический перезвон колокольчиков.

Наконец взору Вэйшэна предстало зрелище, подобного которому он никогда еще не видел.

Из тумана медленно выходила процессия. Все они были облачены в длинные, метущие землю белые одеяния, а глубокие капюшоны почти полностью скрывали лица. Идущие стройным

хором вполголоса тянули похоронную песнь. Тот, кто шагал первым, бережно нес в руках белую статуэтку. За ним следовали люди с охапками засохших, серых цветов — лепестки их давно увяли, но сохранили форму, словно обратившись в камень. В самом центре процессии двигались те, кто нес на плечах гроб.

Гроб был узким и длинным, больше похожим на младенческий.

Завороженный этим шествием, Вэйшэн внезапно поймал себя на безрассудной мысли.

Он развернул сферу сознательного восприятия.

Его чувства, подобно легкому дуновению ветра, скользнули сквозь туман к предводителю шествия. Но разум не ощутил ровным счетом ничего — впереди была лишь пустота.

Понимая, что процессия вот-вот скроется из виду, Вэйшэн решился. Он рванул дверь на себя. Скрип дерева прозвучал в утренней тишине оглушительно резко.

Но люди в белом даже не повернули голов.

Осмелев, Вэйшэн в несколько шагов нагнал процессию и без труда прошел сквозь тело замыкающего. Он пригнулся, пытаясь разглядеть лицо под капюшоном, но там клубилась лишь густая мгла. Один за другим он пересекал призрачные силуэты в белых балахонах, пока не приблизился к самому гробу.

Как он и ожидал, преградой не стало и дерево — его рука прошла сквозь гроб, словно сквозь воздух.

Очутившись во главе колонны, Вэйшэн заглянул в руки первому призраку. Белая статуэтка изображала прекрасную женщину: она кротко опустила голову, положив руки на колени, бережно удерживая раскрытую книгу.

Вэйшэн постоял рядом, но вскоре ему это наскучило. Он-то ожидал чего-то зловещего или пугающего, а вокруг не происходило ровным счетом ничего.

Повернув обратно к постоялому двору, он на ходу обернулся. Легкая дымка таяла под первыми лучами солнца, а небосклон окрасился в нежный, чуть белесый оттенок.

Похоронная песнь зазвучала вновь.

Вэйшэна прошиб ледяной пот.

Этот белесый рассветный свет показался ему пугающе знакомым.

Точно так же бледнел горизонт в его видениях, когда над Черным морем поднималась исполинская луна. Огромная, занимавшая едва ли не половину небосвода, она заливала мертвые воды призрачным сиянием, превращая вечную тьму в холодный белый день.

Потом то колоссальное светило исчезло, и как бы Вэйшэн ни пытался его отыскать, все было тщетно.

Неужели явление из глубин Черного моря прорвалось в явь? Впервые в жизни им овладел первобытный, сковывающий разум ужас. Вэйшэн бросился обратно к постоялому двору. Скорбные голоса призрачной процессии, мгновение назад звучавшие в отдалении, вдруг громыхнули прямо над ухом, будто поющие стояли у него за спиной. Обезумев от страха, он налетел на дверь, с силой толкнул ее и, зацепившись за высокий порог, полетел на пол.

— Мамочки! — Вэйшэн судорожно дернулся и пружиной взвился на ноги.

В то же мгновение он с размаху врезался лбом во что-то твердое. В глазах поплыли круги. Потирая ушибленное место, он поднял голову и увидел Цан Доушаня, который, скорчившись от боли, держался за челюсть.

«Что вообще происходит?»

Вэйшэн растерянно захлопал глазами.

— И что тебе такое снилось? — сквозь зубы процедил Цан Доушань, с трудом сдерживая стон.

— Мне? — Вэйшэн диковато огляделся по сторонам.

Он по-прежнему находился в их тесной комнатке на постоялом дворе. Одеяло было скомкано, сохранив едва уловимое тепло его тела.

Все еще сомневаясь, не продолжается ли это видение, он вцепился в рукав друга:

— Как ты меня обычно называешь?

— Вэйшэн, как же еще, — опешил тот.

— А еще?

Цан Доушань легонько ткнул его кулаком в плечо и слабо улыбнулся:

— Ах ты, проходимец. Неужто умудрился заглянуть в чертог черно-белого равновесия?

— Что еще за чертог?

Цан Доушань присел на край постели и принялся объяснять:

— Это пограничное состояние, предвестник перехода в Тайную Обитель Двух Рыб. Если потерять бдительность, его невозможно отличить от яви. Многим молодым практикам не достает твердости духа, они путают иллюзию с реальностью. А если застрянешь в этой полуправде и не сумеешь очнуться — считай, покойник.

— И где я теперь? В реальности или все еще там? — простодушно спросил Вэйшэн.

Цан Доушань красноречиво закатил глаза:

— Да в яви ты, в яви. Глянь сам.

Он подтолкнул его к окну и распахнул деревянные створки. По обеим сторонам улицы внизу уже всю разворачивались торговые лавки и палатки с завтраками. В воздухе плыл соблазнительный аромат свежей выпечки, жареных лепешек и паровых булочек маньтоу. Прохожих становилось все больше, город неторопливо стряхивал с себя остатки сна, наполняясь привычным шумом и суетой.

При виде этой мирной картины Вэйшэн наконец перевел дух, но все же украдкой покосился на горизонт.

Небо отливало нежной, чистой лазурью, по которой лениво плыли легкие перья облаков.

Никаких зловещих знамений. Мир оставался прежним, твердым и надежным. Окончательно успокоившись, Вэйшэн по-дружески хлопнул Цан Доушаня по плечу:

— Ну что, друг, пойдем присматривать жилье? Давай выберем просторный дом прямо у дороги, первый этаж пустим под лавку и возродим нашу Обитель Бессмертного Чайника!

— Идет, — без колебаний согласился Цан Доушань. — Поступай, как знаешь.

Однако стоило Вэйшэну расспросить постояльцев в общем зале, как его пыл поулегся. Оказалось, что покупка недвижимости в Дункане — дело невероятно хлопотное. Все сделки следовало проводить исключительно через официальные маклерские гильдии, которые выступали поручителями. За попытку приобрести жилье в обход правил можно было запросто угодить за решетку. Более того, обладать правом на покупку мог лишь тот, кто прожил в столице не менее трех-пяти лет и исправно платил налоги в казну. От обилия бюрократических препон у

Вэйшэна голова пошла кругом.

Он виновато покосился на Цан Доушаня, коря себя за то, что поспешил с обещаниями. Хвастовство обернулось неловким щелчком по носу.

Цан Доушань тоже не ожидал таких сложностей. Повернувшись к словоохотливому постояльцу, у которого они расспрашивали дорогу, он поинтересовался:

— И что же, совсем нет никаких лазеек?

Собеседник, изрядно захмелевший и довольный жизнью, охотно пустился в объяснения:

— Отчего же, есть один способ — занять место в реестре покойного. Находишь семью, где кто-то недавно преставился, договариваешься со сродниками и вписываешь свое имя вместо усопшего. Так и получишь право на покупку. Только мало кто на это идет. В столице дома стоят баснословных денег! Если не собираетесь пускать здесь корни, покупать жилье вообще нет резона. Даже великие мужи из Академии Ханьлинь в большинстве своем не могут позволить себе собственный угол и годами снимают жилье.

Слова выпивохи навели Цан Доушаня на иную мысль:

— А как насчет аренды? Здесь тоже строгие правила?

— Без гильдии маклеров все равно не обойтись. Потребуются надежные поручители и кругленькая сумма под залог, — ответил мужчина, допивая чарку, и удовлетворенно рыгнул.

Теперь ситуация прояснилась. Цан Доушань спросил, к какому из маклеров лучше обратиться. По словам нового знакомого, в Дункане насчитывалось не менее десятка подобных контор, и все они стоили друг друга. Разница заключалась лишь в том, насколько безжалостно они обдирали клиентов. Нашлась пара мест, где обирали чуть скромнее, но сути дела это не меняло — кругом было сплошное надувательство.

Делать было нечего — пришлось соваться в эту кабалу. Выбрав контору по совету постояльца, они наняли посредника. Маклер, грузный мужчина средних лет, с ходу счел молодых людей небогатыми провинциалами и не стал утруждать себя поисками. Он вяло предложил им несколько захудалых лавок на окраине, и лишь одно из строений имело жилой второй ярус.

Вэйшэн, изрядно уставший от бесконечной беготни по столичным улицам, готов был согласиться на этот сносный вариант. Но Цан Доушань, оглядевшись по сторонам, наотрез отказался. Он повернулся к маклеру и прямо спросил:

— Слышал когда-нибудь о переулке Цветочной Чашечки, что в округе Вэньцзинь?

Толстяк забегал глазами и неопределенно хмыкнул:

— Так ведь нет его больше. К чему ворошить прошлое? Одно покойническое уныние.

— Наше заведение стояло именно там, — холодно отрезал Цан Доушань. — И поверь, серебра у нас хватит. Если в столице нет ничего равного переулку Цветочной Чашечки, найди хотя бы нечто близкое по духу. Не справишься — я пойду к твоему хозяину и потребую другого маклера!

Отношение маклера мгновенно изменилось. Толстяк заискивающе улыбнулся:

— Ну что вы, господин, как можно! Конечно же, есть подходящее место. Просто из головы вылетело. Позвольте показать, вам наверняка понравится.

Цан Доушань сменил гнев на милость:

— Рассказывай, что за место. Сперва осмотрим, а там решим.

На этот раз маклер привел их к изящному двухэтажному домику у дороги, позади которого прятался уютный закрытый дворик. Оказалось, это жилье арендовал одинокий архивариус из Академии Ханьлинь. Денег на оплату просторного дома у него не хватало, поэтому он искал порядочных сожителей, готовых разделить расходы.

— Место чудесное, тихий уголок в самом центре, — вкрадчиво ворковал маклер. — Да только характер у почтенного архивариуса непростой. Как бы не заупрямился.

У посредника были ключи, и он впустил гостей внутрь. Едва переступив порог, измотанный Вэйшэн плюхнулся на первый попавшийся табурет и принялся жалобно охать, растирая гудящие ноги.

Тем временем Цан Доушань не спеша осматривал комнаты. Все здесь выдавало утонченный вкус и привычки служителя науки. На полках и столах громоздились стопки трактатов, в углах валялись скомканные листы рисовой бумаги. Развернув одно такое бумажное ядро, Цан Доушань обнаружил искусный набросок тушью — мастерски выполненный, но безжалостно выброшенный автором за ненужностью.

— И когда вернется хозяин? — спросил он маклера.

— В Академии дела принято завершать к исходу часа Обезьяны, — сверившись с солнцем, ответил толстяк. — Но господа ученые вечно задерживаются над манускриптами. Впрочем, время уже близится. Если желаете, можем подождать его здесь.

Они решили остаться. Не прошло и четверти часа, как у Вэйшэна не на шутку разыгрался аппетит, и он отправился на поиски съестного.

Побродив по окрестным улочкам, он не нашел ничего лучше двух дымящихся чаш с сытными вонтонами. Вернувшись, Вэйшэн вручил одну порцию другу. Из вежливости он предложил угощение и маклеру, но тот ожидаемо отказался с постной миной. Приятели без лишних церемоний принялись за еду, и как раз в тот момент, когда они дружно стучали палочками, на пороге показался хозяин дома.

Увидев незнакомцев, уплетавших суп прямо в его гостиной, мужчина остолбенел. Маклер поспешно подскочил к нему и шепотом изложил суть дела. Архивариус слушал его, нахмурившись, и по его лицу было видно, что подобное вторжение ему совсем не по душе.

Наконец он шагнул вперед и сухо произнес:

— Мое имя Ян Чжибай, второе имя — Шоухэй. Служу архивариусом в Академии Ханьлинь. Позвольте узнать, с кем имею честь говорить?

Цан Доушань вежливо поднялся навстречу:

— Моя скромная фамилия Цан, звать Доушанем. А это... — Он обернулся к попутчику. Вэйшэн застыл с набитым ртом, глупо моргая и прижимая к себе глиняную чашку. Цан Доушаню пришлось вздохнуть и договорить самому: — Это Вэйшэн.

Ян Чжибай сдержанно кивнул:

— Откуда вы прибыли в столицу? И каково ваше ремесло?

— Из округа Вэньцзинь, — ответил Цан Доушань, внимательно следя за реакцией собеседника. При упоминании этой провинции ученый выглядел странно обеспокоенным. — Там мы держали лавку благовоний и румян.

Ян Чжибай высокомерно усмехнулся:

— Надо же. Люди с такой силой духа и выдающимися способностями — и вдруг промышляют женскими безделушками?

В его голосе сквозило неприкрытое пренебрежение. Цан Доушань, предвидевший подобный прием, не стал тратить время на оправдания и перешел сразу к делу:

— Позвольте узнать, какова плата за эту обитель?

— Семьсот медных монет в месяц, — обронил архивариус.

Цан Доушань понимающе улыбнулся:

— Всего-то семьсот монет.

Ян Чжибай мгновенно помрачнел от досады — столичная бедность уязвляла его гордость. Заметив это, Цан Доушань мягко добавил:

— Но должен признать, у вас отменный вкус, господин архивариус. Дом выбран на редкость удачно.

Эта лесть немного смягчила уязвленное самолюбие чиновника. Сменив гнев на милость, он неохотно проговорил:

— Что ж, коли вы желаете поселиться здесь, я не стану возражать. Однако у меня есть условие. Если вы откроете лавку на первом этаже, по утрам должна соблюдаться идеальная тишина. Я слаб здоровьем, сплю беспокойно и часто просыпаюсь от любого шороха. Надеюсь на ваше понимание.

Цан Доушань улыбнулся, понимая, что дело улажено:

— Договорились, господин архивариус. О тишине можете не беспокоиться.

<http://bllate.org/book/18329/1865461>